

ЧТО ДВИЖЕТ НАРЦИССОМ?

В нынешнем цифровом, стремительно формирующемся и реструктурирующемся, обществе философская мысль продолжает работать на понимание происходящих процессов, на создание новых смыслов и ответов на старые вопросы. Влияет ли философская мысль на жизнь обычного человека? Как отразилась Схватка над субъектом на том, как чувствует себя отдельный индивид, живущий в нынешнее время, какие страдания он приносит в кабинет психотерапевта?

Ключевые слова: человек–Нарцисс, человек–Эдип, субъект-субъектные отношения, объект-субъектные отношения, Другой.

A.M. Zotov, Samara University

What drives Narcissus?

In the current digital society, which is rapidly forming and restructuring, philosophical thought continues to work on understanding the processes that are taking place, on creating new meanings and answers to old questions. Does philosophical thought affect the life of an ordinary person? How did the Struggle over the subject affect how an individual living in the present time feels, what kind of suffering does he bring to the therapist's office?

Keywords: Narcissus man, Oedipus man, subject-subject relations, object-subject relations, the Other.

Нарцисс продолжает вглядываться в свое отражение...

А мы, исследователи, продолжаем разглядывать Нарцисса, желая что-то понять о самих себе. Этот текст написан врачом-психотерапевтом, шагнувшим в сферу философии, поэтому он обременен двумя языками — философской мысли и психотерапевтической практики. Как минимум, эта складка двух языков возникла на рубеже XIX–XX веков и во взаимном обогащении и проникновении сохраняется в текущее время. Такой эпизодический перевод взгляда с метафизических вопросов на необходимость помощи людям в душевных невзгодах и обратно позволяет располагать рядом движения человеческой, иногда кажущейся отвлеченной, мысли и психотерапевтическую

проблематику. Иными словами, занимаясь абстракциями, не стоит забывать, что в кресле напротив всегда сидит живой человек со своими уникальными вопросами и задачами.

В определенном смысле «модерновая» идея психотерапевтических изменений была такова: «...“Нормальное” и “патологическое” в большей или меньшей мере связаны со способностью субъекта быть в контакте со своей наиболее глубинной идентичностью, и терапия... име(е)т целью помочь субъекту удовлетворить этому условию» [1]. «В постмодернистском рассмотрении акцент смещается на эволюцию контекстов, обаяние персональной истории уступает место вниманию к выстраиванию перспективы... Мы есть отныне продукт контекстов наших разговоров и значений... И так как наши разговоры постоянно меняются, наши “self” находятся в непрерывном движении; можно даже сказать, что они столь же многочисленны, как ситуации» [1].

Субъект, появлявшийся и появляющийся, в том числе, в кабинете психотерапевта и положенный в основу всего, исследовался концептуально и содержательно. По меткому выражению Декомба, в XX веке развернулась Схватка вокруг понятия субъект [2]. Субъект деконструировался и децентрализовывался. Концепты, «наполнявшие» субъект, конституировавшие его, умерли [3]. «Лишаясь этой позиции, мы лишаемся уверенности в “обладании” внутренними богатствами... Мы лишаемся иллюзии идентичности...» [1]. Ответом на это был поиск подходов к разрешению кризиса темы субъективности [4]. Вместе с тем, субъект продолжил «обитать» в субъект-субъектных отношениях, в языке, в бессознательном. Фокус внимания философов сместился с данности, за-данности субъекта к его обусловленности, становлению, к постоянному производству, отсылке, динамике, к собственно отношениям, «производящим» субъект. «Нет реальности, кроме той, которую мы конструируем в отношениях» [1]. Self уже не структура и не функция, а сам контакт. И этот контакт не с собственными глубинами, идентичностью, самостью. Это контакт с Другим («Другой как символический порядок» и «Другой как субъект» по Лакану). Этот контакт, динамика, отсылки, связи, сети, ризоматичность и трансграничность стали означающими сродни кроличьим норам из приключения Алисы. Тире в связке «субъект – субъект» стало определять эту связку и самих субъектов.

Что же делает Нарцисс, что им движет в текущем положении дел? Можно предположить, что именно разверзшееся зияние субъекта катализирует его отклик и определяет его поведение. Он бесконечно вглядывается в Другого в

надежде получить основания для самого себя и постоянно не получает их. Точнее, постоянно получает разнообразные, чаще всего противоречивые сигналы, не могущие стать основанием для Нарцисса в силу своего непостоянства.

Нарцисс вглядывается не столько в свое отражение, как скорее в то (в того), что (кто) его отражает (может отразить). И не видит этого отражающего основания. Взгляду Нарцисса не на что «опереться». Следуя мифу, мы знаем, что Нарцисс смотрит на поверхность воды, встревоженную постоянной рябью. Образ себя, отражение все время искажается. Приходится беспощадно и безнадежно долго вглядываться в поверхность, не отводить взгляд, постоянно отправлять запрос на подтверждение самого себя и не получать внятный и устойчивый ответ. Для лишнего оснований Нарцисса при его формировании онтологически необходимым оказывается продолжить поиск опоры во внешнем. В том внешнем, которое, будучи неким *кто*, является (может явиться) основой для формирования субъектности Нарцисса. Поэтому основание для Нарцисса внеположено ему самому. Субъект (лат. *subjectum* – «находящееся в основе») иском Нарциссом. При этом сам Нарцисс в отношениях с субъектом находится в положении объекта, в своеобразной объект-субъектной связи.

Нарцисс никак не может стать субъектом, основания для его конституирования всегда вынесены вовне – в Другого и в других. Значимые другие, которые должны интроецироваться и стать фундаментом для самоидентичности, основой для самоотношения никак «не приживаются» внутри. Значимые отношения не становятся укрепляющими идентичность связями внутреннего мира. Нарцисс постоянно вглядывается и переспрашивает, постоянно заводит разговор о себе, причём, он стереотипен и скуп в этом разговоре. Даже осознавая однообразную повторяемость в своей адресации к другим, он не перестаёт это делать. Рефлексия и понимание не останавливают этого процесса. Рефлексия постоянно «промахивается», так как ей не к чему адресоваться во внутреннем мире Нарцисса.

Клиническая практика, исследующая душевные драйвы и чувства, знает Нарцисса со стороны выраженного стыда. «Стыд – это чувство, что тебя видят плохим и неправым; наблюдатель в этом случае находится вне собственного “Я”» [5]. В отличие от человека Эдипа, имеющего устойчивые внутренние репрезентации и подверженного другому тягостному чувству – вины. «Вина – это убежденность в том, что ты грешен или совершил злодеяние; она легко концептуализируется в понятиях внутреннего критикующего родителя или

супер-Эго» [5]. «Вина создается чувством активной возможности совершения зла, тогда как стыд имеет дополнительное значение беспомощности, уродства и бессилия» [5]. Нарциссу также свойственна зависть, для которой, что существенно, тоже необходим Другой. «Если я внутренне убежден, что обладаю некоторыми недостатками, и моя неадекватность всегда может быть разоблачена, я начинаю завидовать тем, кто кажется довольным или обладает теми достоинствами, которые (как мне кажется) могли бы способствовать тому, чего я лишен» [5].

Спрашивается, нарциссизм – это патология или отражение общих процессов нынешнего времени? Или это и то, и другое? *Усилен ли нынешний нарциссизм в его многообразных проявлениях движением авангардной философской мысли?*

Язык, которым нарциссизм в текущем понимании описан, – это язык психологии, психоанализа и он давно стал элементом философского языка. Говоря другими словами, разговор о нарциссизме вышел за пределы клиники, стал эвристичным для дальнейшего исследования и развития концепта субъекта. Появился взгляд о переходе, повороте от человека-Эдипа к человеку-Нарциссу [6].

Нарцисс никак не может положить себя в точку отсчета, как и не может быть конституированным через Другого. Можно предположить, что Другой как концепт, как большой нарратив тоже оказался демонтирован, стал фрагментарным, скукожился до другого с маленькой буквы. Другой стал расплывчатым, лишенным границ, смысла, содержания и даже тени. Нарцисс все время в своём ожидании отражения «собирает» этого распавшегося Другого. Нарцисс не интегрирован в связи с постоянным исчезновением, ускользанием Другого, одновременно признавая за ним субъектность и важность. В психотерапевтической практике хорошо известно о качелях обесценивания-возвеличивания партнёра, производимых Нарциссом. Он одновременно хочет идентифицироваться с партнёром и идентифицировать его с собой. Одновременно восхищается им и ждет ответного восхищения. Говоря иначе, Другой в отношениях воспринимается как основа, субъект для самого Нарцисса. А сам Нарцисс в этих отношениях существует как объект, ищущий и не могущий обрести субъектность.

К чему могут привести размышления о том, что усиливающийся нарциссизм в определенном смысле становится ответом на тенденции в мыслях о субъекте? Можно предположить, что в современности, наводненной архаикой, будут кристаллизовываться, оформляться (уже оформляются) новые

большие нарративы – пусть пока не обузданные разумом, не отрефлексированные и поэтому угрожающие. Угрожающие поглощением, уничтожением, порабощением с одной стороны и необходимостью борьбы с другой. Растекающейся магме безграничности нужно будет застыть в новых сверхобразованиях, в новых границах. Кто придет (если придет) на смену Нарциссу? Возможно, это будет Параноик – человек Подозревающий, (паранойя, греч. «околомышление»)? Возможно, мы уже являемся свидетелями новых коллективных форм – опор для психического: Вирус, Депрессия и пандемия, обострение идей Заговора, чипирование, тотальная цифровизация и слежка, закрытие границ и тотальный контроль, объединение вокруг Лидера против врагов (манихейское разделение) и прочее. Основным механизмом психологической защиты параноидной личности является проекция. Собственное негативное и не принимаемое содержание психики приписывается другим и воспринимается как угроза. Далее следует обличение и укрывание от угрозы, изоляция или преследование преследователя.

В психотерапевтической практике помощи нарциссическим личностям важна эмпатийность терапевта, его устойчивость и возможность выдерживать мощные эмоциональные импульсы Нарцисса, контейнировать их, возвращать их в пространство отношений переработанными, адаптированными и выступать «хорошим» внешним объектом/субъектом коммуникации. Возьмется ли философия делать (делает ли уже) что-то подобное для человека-Нарцисса?

В заключение хочется высказать два соображения для дальнейших размышлений:

1. В рассуждениях о постмодернистском взгляде на психотерапию продолжить рассматривать нарциссизм не только как конституцию индивида, а как тип связи, отношений — нарциссические отношения. Возможный пример: один человек идентифицирует другого во взаимодействии/общении с ним как нарциссически организованного. Кем при этом является сам наблюдающий, диагностирующий? Он ведь тоже каким-то образом организован сам? Можно ли сказать, что его собеседник является нарциссом сам по себе или этот нарциссизм имеет «контактный», отношенческий характер?

2. Интересно понять, насколько психоаналитические, изначально клинические идеи стали (и продолжают быть) эвристичными для философской мысли. Стоит ли за этим плохо (?) осознаваемая медикализация, патологизация взгляда на субъект. Субъект в XX веке «поломался», «заболел»?

Список литературы:

1. Робин, Жан Мари. Быть в присутствии Другого: этюды по психотерапии. Пер.: Игорь Дубровский и Марина Павловская. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 256 с.
2. Декомб, Винсент. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. Пер. с фр. Марии Голованивской. М.: Новое лит. обозрение, 2011.– 558 с.
3. Лиотар, Жан Франсуа. Состояние постмодерна. Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
4. Колесников А.С., Ставцев С.Н. Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 112 с.
5. Мак-Вильямс, Нэнси. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. Пер. с англ. В. Снигура. 2-е изд. М.: Класс, 2015.– 583 с.
6. Разинов Ю.А. От Эдипа к Нарциссу: по краям общества потребления // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. Самара: Самар. гуманит. акад., 2019. № 1(25). С.3–14.